

УДК 82.0; 82.09
ББК 83.3 (2==Рус)
Б 57
Ф.Б. Бешукова

Проблемное поле постмодернистского литературоведения

Аннотация:

В статье рассматриваются актуальные вопросы современного литературоведения: проблема художественного метода в постмодернистском культурном пространстве, дискуссии о междисциплинарности, как основном принципе современной науки, отмечается специфика проявления постмодернизма в России, сравнительно с западной моделью.

Ключевые слова:

Постмодернизм, деконструктивизм, постструктурализм, междисциплинарность, текст, эстетика, культура, литература периодическая печать.

Если обратиться к литературному процессу конца XX века, то в прозе отечественные литературоведы выделяют реалистическое направление (Маканин), модернистское (Шишкин, Полянская), романтическое (Дмитриев), натуралистическое (Королев, Эппель), сентименталистское (Улицкая) и другие. Вопрос художественного метода всегда остается не до конца разрешенным, так как только социалистическое, идеологизированное научное мышление смогло искусственно втиснуть в рамки единого метода социалистического реализма творчество и Шолохова, и Бабеля, и Распутина, и Шукшина.

Если обратиться к мировой литературе, к традиционным и современным методикам анализа художественного текста, то налицо выявляется констатация переходности, конвергентности методов. И раньше говорилось о тенденциях проявления отдельных черт одного метода в другом, о взаимовлиянии (например, реализм и романтизм в начале XIX века, натурализм и символизм во второй половине XIX века) и т.д. Но, несмотря на это, в литературоведении XX века существовала устойчивая тенденция идентификации текста с определенным художественным направлением.

В современной российской культуре такие имена как Сорокин, Пелевин, Акунин, В. Ерофеев, Битов не укладываются в прокрустово ложе традиционной компаративистики в плане жанра, стиля, метода, эстетики и многих других параметров анализа художественного текста. Попытки решения этой проблемы привели к другой крайности – все нетрадиционные явления в культуре объявляются постмодернистскими.

Этот подход, на наш взгляд, самый легкий и, соответственно, – самый поверхностный. На данном культурно – историческом этапе теория постмодернизма находится в стадии осмысления. Современный культурологический процесс не завершен и потому не может быть теоретизирован и приведен в статус парадигмы научного знания.

Несомненно, что отечественное литературоведение на современном этапе находится в состоянии кризиса.

За последние пятнадцать лет тезис о кризисе в русской филологии стал ведущим на страницах периодической печати. Проявление кризиса отмечается в распаде привычных академических институций, в деградации интеллектуального уровня, в обострившихся конфликтах

внутри филологического научного круга, в снижении публичного интереса к предмету.

Филологические журналы на сегодняшний день являются основными изданиями, формирующими теорию современного литературоведения. Наряду с академическими, сохранившими иерархию традиционных ценностей и приверженность к авторитетам, появились журналы с концепцией, соответствующей современной культурной ситуации.

Журнал «Новое литературное обозрение», образованный в 1992 году, имеет подзаголовок: теория и история литературы, библиография и критика. За свою относительно недолгую историю существования издание стало популярным и востребованным. Причин успеха много: создатели журнала объявили единственным критерием отбора материала профессионализм и новизну подхода, они не боятся экспериментов в «подборке людей, тем, идей, в структуре и дизайне», – как отметила в своем интервью редактор «НЛО» Ирина Прохорова.

Задачи, поставленные журналом, нацелены на решение самых серьезных проблем современного гуманитарного знания – критическое освоение теоретической западной мысли в свете собственной культурной традиции и одновременно разработка новой категориальной системы, способной адекватно описать новый исторический опыт.

«НЛО» – очень подвижное издание, структура его видоизменяется, в нем нет устойчивых разделов и рубрик, и это свидетельствует о том, что подборка материала меняется в соответствии с движением идей и научной мысли. А. Бикбов, социолог, определил журнал «как пример новой институции в условиях кризиса старых» и отнес его к числу тех изданий, которые определяют себя через междисциплинарность. Если провести аналогии, то можно сказать, что структура журнала соответствует сути эпохи постмодернизма, которую он освещает, с его размытостью границ, эклектизмом и свободой самовыражения.

В постмодернистскую эпоху культура и, прежде всего литература, оказались на новом витке своего развития, и требуется время для теоретического осмысления этого процесса. Редакция и соавторы «НЛО» на страницах своего издания в дискуссиях, литературно-критических эссе, в подборке материалов формируют и создают эту теорию,

которая невозможна без определения методологии и языка научного познания.

В настоящее время в области гуманитарных наук, в частности филологии и теории культуры, одним из главных оказался вопрос о том, возможен ли или уже существует общий, универсальный, междисциплинарный язык.

Процесс размывания границ между дисциплинами общегуманитарного поля налицо. Но далее следует еще один вопрос: если междисциплинарность существует, то временное ли это явление? Или же междисциплинарность – это тенденция к появлению нового направления гуманитарных исследований. Эти вопросы стали предметом оживленных дискуссий на страницах современных литературных журналов.

Журнал «НЛО», который имеет традицию осмысления ведущих проблем культуры за «круглым столом», предложил обсудить проблему междисциплинарности в №55 за 2002 год. Этот «круглый стол», иронически названный «Новый гуманитарий в поисках идентичности», стал концептуальным продолжением «круглых столов» в №17 и №50.

Несомненно, что все присутствующие за «круглым столом» осознали и неоднократно подчеркивали, что речь идет о явлениях неустоявшихся, только зарождающихся, и поэтому тональность обсуждения была предположительной и ироничной. Журнальный вариант «круглого стола» Д. Устинов оформил в виде небольшой пьески со всеми атрибутами сценического действия – здесь и пролог, и действия, и эпилог, невысказанные монологи вставлены в текст в виде интермедий.

Постмодернистская критика сегодня в западной науке выделяется в отдельную область научного знания. Предложенная нам журналом «НЛО» форма обсуждения позволяет предположить, что и русская литературная критика, которая анализирует сегодняшний литературный процесс с позиций смежных, но различных специальностей – социологии, истории культуры, теории литературы, семиотики явно отходит от традиционной и представляет собой совершенно новый вид литературной критики, приспособившейся к эпохе постмодернизма.

Лиотар писал, что все, что существует, – это только различные «языковые игры». И само понятие постмодерн он определил как «состояние культуры после трансформаций, которым подверглись правила игры в литературе и искусстве в конце XX века». «Правила игры» явно изменились, и это отметили все участники «круглого стола».

В №17 за 1996 год было отмечено наличие сдвига и даже слома в области гуманитарного мышления. Изначально обсуждение было направлено на оппозицию филологов и философов, то есть в привычную систему координат, разделяющую эти области научного знания. Но в ходе дискуссии ее участники пришли к выводу о том, что раскол происходит внутри филологического мышления. И намечен он в определении Сергея Козлова о существовании «чистых» и «нечистых» филологов. К «нечистым филологам» можно отнести тех, кто мыслит на стыке филологии и философии, и здесь уже можно говорить о размывании границ между различными гуманитарными дисциплинами. [1; 177]

Редактор журнала «НЛО» И. Прохорова в №55 отмечает, что в настоящее время «дихотомия «чистого» и «нечистого» филолога снята, и многие специалисты, которые считают себя филологами, вообще стараются этого слова не употреблять.

Эту мысль редактора «НЛО» наглядно иллюстрирует то, как определили свою специальность сами участники «круглого стола». Например, Т. Дашкова, по одной специальности – филолог, другая обозначена как «история и теория культуры»; А. Дмитриев, по образованию историк, занимается историей науки и гуманитарного знания; М. Майофис – и филолог, и историк; Илья Калинин – «некоторым образом филолог, несколько условно представляющий Санкт-Петербургский университет».

Если в 1996 году процесс размывания границ между дисциплинами был означен как кризисное явление, то «круглый стол» в 2002 году пришел к выводу о том, что это не кризис, а новая тенденция развития гуманитарных наук, полностью отвечающая потребностям времени. И. Ильин в своем исследовании «Постмодернизм от истоков до конца столетия» отметил эту тенденцию как характерную черту и западного литературоведения. Он писал, что взаимопроникновение науки и художественного текста привело к тому, что «литературоведение стало размываться, превращаться в интердисциплинарную науку без четко сформулированного и определенного предмета изучения».

И. Прохорова высказала мысль о том, что «то поле, которое мы называем «филологией», становится очень динамичным и ярким полигоном для всяких экспериментов». Она считает, что постепенное исчезновение «филологии» как определения говорит о том, что либо рождается какой-то другой тип науки, либо происходит перераспределение внутри традиционных дисциплин. [Там же]

Редактор отдела истории «НЛО» М. Майофис отметил, что выход за границы узкодисциплинарного образования стал необходимостью, область филологии она означила так: сфера – пост-тартуская, пост-семиотическая, пост-структуралистская, из чего она сделала вывод, что начало тенденции междисциплинарности положили Ю. Лотман и тартуская школа семиотики с их трактовкой текста (любого, а не только художественного, каким занималась традиционная филология).

Д. Устинов, соглашаясь с мнением М. Майофис, отмечает, что традиционная «чистая» филология изучает литературные памятники, то есть тексты дистанцированные и уже завершенные. А в XX веке объектом филологического интереса становится современная литература, развивающаяся в условиях социокультурного кризиса. Таким образом, исследователь современных текстов оказывается перед невозможностью «беспристрастной» работы. «Как только филологи, – пишет Д. Устинов, – пытаются выявить ценностные ориентиры, они тут же включаются в процесс их непосредственного формирования или легитимации». Устинов считает, что филология оказалась центром междисциплинарных исследований, потому что одной из первых научных дисциплин начала осваивать методы и смежных дисциплин – социологии, антропологии, философии и т.д. [там же; 180].

Если вспомнить высказывание Лиотара о том, что «господствующим признаком культурной эпохи постмо-

дерна оказывается эклектизм, который является «нулевой степенью общей культуры», то можно предположить, что русская филология выходит на позиции постмодернистской методологии.

И. Кукулин возвращается к тезису, выдвинутому им в №50, о том, что «кризис современной филологии и гуманитаристики есть кризис антропологический». Общеизвестно, что в любой научной отрасли существует модель объекта изучения. В филологии – это концепция личности, видоизменяющаяся в зависимости от множества социальных, исторических, культурных, национальных и других факторов. И естественно и закономерно, что в эпоху кризиса 90-х модель личности тоже претерпевает кризис. Также логично, что прежние методологии, в частности социалистического искусства, оказываются непродуктивными для осмысления современной личности и современной литературы.

Кукулин отмечает, что опыт формалистов, которые не только произвели методологическую революцию, но и реагировали на изменение времени, важен в сегодняшней культурной ситуации. Основную проблемную точку развития современной филологии, обойденную в дискуссии, он видит в том, что «в сегодняшнем разговоре филология молчаливо отождествляется с литературоведением и историей литературы, но из нее как-то оказалась исключена лингвистика».

Здесь можно заметить, что если включение тартуской формалистской школы Ю. Лотмана в современную русскую филологическую науку несомненно, то вопрос о постструктурализме в России остается открытым, как и многие другие. Например, А. Эткинд в №59 в статье «Русская литература, XIX век: Роман внутренней колонизации» заметил, что «постструктуралистская мысль не приживается в России». Существуют и иные точки зрения. Подобный плюрализм мнений в очередной раз доказывает, что современная литературная критика не находится в застое, а, наоборот, активно ищет новые методологии для осмысления живого литературного процесса.

Разработка отечественной модели постмодернизма естественно отталкивается от западной и американской моделей, так как именно там по ряду идейных, эстетических и социальных предпосылок зародился и сформировался этот культурно-эстетический феномен. Несомненно одно – прямое калькирование западной постмодернистской модели на российскую литературную ситуацию невозможно. И. Ильин определяет постмодернизм как «многозначный и динамически подвижный в зависимости от исторического, социального и национального контекста комплекс философских, эпистемологических, научно-теоретических и эмоционально-эстетических представлений» [2; 206].

Исходя из своеобразия любой национальной модели культуры и картины мира, в том числе и русской, при анализе социокультурной ситуации важно найти черты общемирового постмодернистского мироощущения и, в тоже время, определить национальное своеобразие русского постмодернизма.

«Прежде всего, – отмечает И. Ильин, – постмодернизм выступает как характеристика определенного менталитета, специфического способа мировосприятия, мироощущения и оценки познавательных возможностей че-

ловека, так и его места и роли в окружающем мире». [Там же].

Постмодернизм на Западе прошел длительную фазу формирования с конца второй мировой войны до 80-х годов XX века, когда о новом культурном феномене заговорили все историки культуры и литературы. Начало 80-х годов считается датой появления нового эстетического, мировоззренческого феномена западноевропейской и американской культуры.

Постмодернизм проявился и в современной литературной критике (основные мыслители: француз Ж.-Ф. Лиотар, американцы И. Хассан, Ф. Джеймсон, голландцы Д. В. Фоккема, Т. Д'ан, англичане Дж. Батлер, Д. Лодж и другие).

Теория постмодернизма сложилась на основе постконструктивизма и деконструктивизма. И. Ильин отмечает наличие специфического постструктуралистско-деконструктивистско-постмодернистского комплекса общих представлений и установок, то есть можно сказать, что новый художественный феномен представляет собой сложный организм, состоящий в основе из теории постструктурализма, деконструктивистского литературно-художественного анализа текста и современного искусства.

Если взять за основу данную схему, то возможно приблизиться к целостному восприятию общемировой художественно-эстетической картины. До 80-х годов критики отмечали проявление различных постмодернистских тенденций, после же 80-х заговорили об общем постмодернистском культурном пространстве.

Проблема постмодернизма ставит перед учеными ряд серьезных вопросов, основной из которых – существует ли сам феномен постмодернизма? Реальность ли это явление в культуре, или эпатажное теоретическое построение. Из самого названия «постмодернизм» закономерно вытекает следующий вопрос: постмодерн – это продолжение модерна или качественно новое художественно-эстетическое явление? Эти вопросы являются ведущими в дискуссиях, которые ведутся теоретиками и историками искусства. В предисловии к сборнику статей «Приближаясь к проблеме постмодернизма» (1986; 7) его составители Д. Фоккема и Х. Бертенс пишут: «К большому замешательству историков литературы, термин «постмодернизм» стал ходячим выражением даже раньше, чем возникла необходимость в установлении его смысла. Возможно, это верно как относительно США, так и Европы, и наверняка справедливо по отношению к Германии, Италии и Нидерландам, где этот термин был известен три или четыре года назад, в то время как сегодня он часто упоминается в дискуссиях о визуальных искусствах, архитектуре, музыке и литературе».

Такие же сомнения высказывают и русские исследователи, исходя из ситуации постмодерна в России. А. Дугин, в частности, пишет: «Последние 10 лет выражения «постмодернизм», «постмодерн» употребляются настолько часто, что становятся банальными, привычными и бессмысленными. Однако содержание этих терминов остается предельно расплывчатым. Согласия нет ни у критиков, ни у художников, ни у искусствоведов, ни у философов. Отсутствуют точные дефиниции, объект определяется, скорее интуитивно, схватывается приблизительно. А так как «постмодерн» нарочито стремится быть двусмыслен-

ным, «аллюзивным», «гиперироничным», рефлексивным сразу на нескольких уровнях, то ускользание явления от фиксированной расшифровки становится одной из его базовых характеристик». [3]

Постмодернизм не зря одним из базовых художественных символов избрал лабиринт, это сложное художественно-эстетическое построение требует размышлений, поиска, предлагая множество путей, но тем интереснее

задачи, стоящие сегодня перед исследователями и творцами культуры.

Примечания:

1. Новый гуманитарий в поисках идентичности // Новое литературное обозрение. – М. – 2002. – № 5.
2. Ильин, И. Постмодернизм от истоков столетия. Эволюция научного мифа / И. Ильин. – М.: Интрада, 1998.
3. Дугин, А. Пост Модерн? // Элементы, 2004. – № 9.